Львов-Анохин Борис

1.12.94

Андрей Руденский на выпускном экзамене в Училище имени М.С. Щепкина играл сложнейшую роль Порфирия Петровича («Преступление и наказание»), в которой темперамент молодого актера выразился в силе почти магического хладнокровия, иронического самообладания, непоколебимой выдержки. Одной из его курсовых работ была роль скептического и мудрого Цезаря из пьесы Б. Шоу, тоже потребовавшая немалого хладнокровия. Итак, хладнокровие, тяготение к сложной характерности у красивого молодого актера с данными первого любовника...

А. Руденский — Вальмон.

Ставрогин в театре был бы лучше...

Изв. Москва. - 1994. - 18 дек. - С. 4

После окончания училища Руденский оказался не на сцене, а в киностудии. Роль Клима Самгина в фильме В. Титова принесла ему известность. За этой ролью последовали другие, и он стал тем, что у нас называется кинозвездой.

Надо сказать, что дебюты кинозвезд на театральной сцене часто кончаются конфузом. Их не только не слышно (привычка к микрофону), но и, что весьма странно, не видно, даже их красота на сцене тускнеет. Оказывается, их делал заметными только искусный крупный план режиссера и оператора. Юная киноактриса Ксения Качалина откровенно сказала: «В театре очень много пространства, и пока я этого пространства пугаюсь».

Когда я пригласил уже известного киноактера Руденского на роль Меттерниха в «Орленке» Э. Ростана, на первых порах он терялся в театральном пространстве. Видимо, отвык от сцены: мешала тихая, невнятная речь, пластика была сценически невыразительной. Но воля и внутренняя дисциплинированность актера помогли ему обрести необходимое чувство сцены, артистическую четкость. Его движения, жесты, походка становились все более рельефными и значительными, а стихотворные монологи Ростана начинали обретать музыкальность и упругий ритм. Руденский работал упорно и последовательно, именно это определило его успех в трудной роли. Актер почти идеально соответствовал характеристике, данной в книге Я. Шедивы «Меттерних против Наполеона»: «Благодаря своей внешности и манерам Клеменс Меттерних быстро оказался в центре внимания дам. Высокий, стройный, с правильными чертами лица, он вызывал вздохи поклонниц, в то время как мужчины уже замечали на лице 34-летнего красавца явные следы ночных кутежей. Тем не менее современники не отрицали его достоинств: способности владеть собой, острой наблюдательности, умения быстро составить суждение и говорить, создавая впечатление, будто каждое его слово продуманно; по сути же он стремился к одному: не дать прорваться ни малейшему движению мысли наружу.». Итак, снова хладнокровие, трезвый ум, искусное самообладание. И безупречная элегантность светского человека, опасная любезность, приветливость, за которой таятся коварство и расчет, благородство осанки и манер, скрывающих почти жестокий цинизм политического игрока, — «мои годы прошли за единственной шахматной партией, которую я играл с Наполеоном».

Роль Меттерниха была дебютом Руденского на театральной сцене.

Вторая роль была еще более сложной — виконт де Вальмон в пьесе К. Хэмптона по роману Ш. де Лакло «Опасные связи». Здесь данные Руденского, вполне пригодные для ролей первых любовников, могли быть использованы впрямую. Но актер понял роль во всей ее сложности — в сочетании неистощимого любовного азарта и непреходящей душевной усталости, галантности и цинизма, увлеченности и пресыщенности, прельстительной любезности и полной опустошенности. Иногда трудно понять, от чего он томится — от нежных чувств или просто от скуки. Но в некоторых эпизодах романа с госпожой де Турвель кажется, что он мог бы быть искренним, как кавалер де Грие, если бы предрассудки времени не заставляли его стыдиться подлинного чувства как непростительной слабости. Один критик сказал, что Руденский играет декаданс восемнадцатого века, и это верное наблюдение.

Театральные дебюты Руденского доказали, что он не только кинозвезда, «произведение» кинорежиссера и оператора. Он — актер интересной индивидуальности, наделенный чувством стиля, владеющий театральной формой, способный к созданию сложной сценической характерности. Мне кажется, что Ставрогина он в театре сыграл бы лучше, чем это получилось у него в фильме.

Театр способствует росту актерского дарования, а кино его чаще всего только эксплуатирует. Тем более, что и роли в кинофильмах попадаются глупые вроде синьора Марио в «Обещании любви»...

Руденскому нужны сцена, зрители. Не дай Бог, если он станет только кинозвездой и пространство театра начнет его отвергать!

Борис ЛЬВОВ-АНОХИН,
художественный руководитель
Нового драматического театра
Фото Г. КАЧУРИНА